

Борьба с пьянством и самогонварением в начальный период
Советской власти

План

Введение.....	1
1. Социально-бытовые причины пьянства в первые годы Советской власти.....	5
2. Динамика потребления алкоголя в 20-е годы.....	7
3. Ситуация с пьянством в городе и в деревне.....	9
4. Государственная политика в отношении пьянства и самогонварения.....	12
5. Борьба с самогонварением.....	17
6. Антиалкогольная кампания конца 1920-х.....	21
Заключение.....	29
Список литературы.....	30

Введение

Актуальность вопроса. Вопросам борьбы с алкоголизмом в советском обществе посвящена довольно обширная научная и научно-популярная литература. По различным аспектам этой тематики опубликован ряд работ медиков, юристов, социологов. Однако специальных работ историков по данной проблеме почти нет. Между тем, борьба с пьянством в первые годы советской власти заслуживает пристального внимания историков. Политика партии никогда не была в этом отношении последовательной, в ней отражались все превратности рождения нового строя. Как пишет историки В. Багдасарян и И. Орлов «сфера контроля большевистского режима над массовым потреблением алкоголя стала ареной не менее упорных «сражений», чем на полях Гражданской войны»¹. Отношение государства к пьянству, в целом, было негативным, но политика в этой области за первые годы советской власти поменялась почти полярно – от почти «сухого закона» 1919 года к разрешению продажи водки в 1924. Финансовые интересы государства взяли верх над социальной политикой.

Историография вопроса. Вопросы борьбы с пьянством и самогонварением в начальный период Советской власти поднимались еще в 30-е годы. Можно отметить труды Воронова Д.Н., Герцензона А. И., Дейчмана Е.И., Кагана А.Г., Когана Б.Б., Лебединского М.С., Ларина Ю. Т. Все работы того времени отличает публицистический пафос. В них приведена статистика потребления алкоголя. В последнее десятилетие тема алкоголизации страны в 20-е-30-е годы посвятили свои работы историки Лютов Л.Н., Литвак К.Б., Лебина Н.Б., Орлов И. Б., Панин С.Е..

Анализ источников. Государственная политика в отношении пьянства и самогонварения реконструируется по декретам Советской власти и работам советских партийных деятелей - Троцкого, Сталина, Микояна Статистика

¹ Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М.: Изд-во МГОУ, 2005. С. 96

потребления алкоголя приведена в отчетах ЦСУ и Центроспирта, масштабы пьянства выявляются при анализе бюджета рабочего. В архивах НКВД содержатся материалы об акциях НКВД против самогонварения.

Цель работы – борьба с пьянством и самогонварением в начальный период Советской власти (1928-1930)

Задачи работы.

1. Выявить социально-бытовые причины пьянства в первые годы Советской власти.

2. Проанализировать ситуацию с пьянством и самогонварением в городе и в деревне.

3. Рассмотреть государственную политику и ее противоречивость в отношении пьянства и самогонварения.

4. Осветить реакцию общественности на антиалкогольную кампанию 1920-х гг.

1. Социально-бытовые причины пьянства в первые годы Советской власти

Повседневность российского рабочего класса в не меньшей степени, чем у сельских жителей, была тесно связана с употреблением спиртных напитков. Однако настоящим бичом городской жизни пьянство становится именно в годы нэпа. С окончанием Гражданской войны в рабочей среде стали возрождаться почти забытые обычаи бытового пьянства: традиция «первой полочки», «обмывание нового сверла», «спрыскивания блузы» и т. д. Рабкор из Московской губернии с горечью писал, что «в рабочей среде начинают приобретать вновь значение старые пословицы: «не подмажешь - не поедешь», т.п. Прием нового рабочего сопровождается «ополаскиванием», новички ставят «угощение» или «смазку» мастеру...»².

Причины принятия закона 1921 г., а также быстрого распространения пьянства к концу 1920-х гг. лежали, прежде всего в экономических и социально-политических изменениях, произошедших в стране. Начавшаяся после введения нэпа переоценка основ торговой политики привела к утечке государственных доходов за счет нерегламентированного производства и продажи спиртного. Уже в начале 1920-х гг. фактом стала монополизация пивных в руках нэпманов. Погоня за выгодой неизбежно подталкивала их к обходу существующих законов. Усилилось проникновение частного в область виноделия, как и в другие отрасли пищевой промышленности, суливших быстрый оборот вкладываемых средств. Высокая, в силу ряда причин, стоимость поступающих на рынок промышленных изделий и низкие цены на хлеб ("ножницы цен") заставляли мелких производителей прибегать к переработке хлеба на самогон. Масса частных посредников, наводнивших города после введения "свободной торговли" и в большинстве своем неучтенных, способствовала доставке самогона в винные лавки.

² Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М.: Изд-во МГОУ, 2005. с. 105

В качестве причин развития пьянства в условиях 1920-х годов можно назвать также, во-первых, расширение общественных функций тогдашних пивных. Дороговизна зрелищ, непривычность для многих клубов, которые заполнялись в основном молодежью, бытовые стереотипы, воспринятые от дореволюционной эпохи, сделали пивную не только помещением для потребления спиртного, но и по существу наиболее доступным местом общения. Улучшение материального положения и появление в связи с этим большого свободного времени упрочили данную ситуацию. Во-вторых, развитию пьянства способствовал жилищный кризис, который стал остро ощущаться в городах в начале 20-х гг. и дал толчок дальнейшему развитию различных форм общежитий. Заполняли их в основном лица, прибывшие из деревни, сами находившиеся в плену старых традиций и, естественно, некритично воспринимавшие подобного рода "бытовое наследие" в городах. Общежития объединяли рабочих, прежде всего, на почве быта, а именно здесь наиболее медленно преодолевались отсталые взгляды и привычки. Выход из сложившегося положения путем проведения новой серии запретительных мер казался бесперспективным. Он вызывал скептицизм именно ввиду накопленного отрицательного опыта результативности ограничительной политики. К тому же этот опыт анализировался большей частью обособленно, в отрыве от изучения причин возникшей ситуации. В результате в августе 1925 г. была разрешена продажа водки. Одновременно оговаривалось, что мера эта временная и обращалось внимание на экономический ущерб, который несло государство при существующих запретах. Вместе с тем не скрывалось, что встать на путь продажи водки побудил, главным образом, поиск средств для выполнения намеченных широких производственных планов.

Внешние приметы надвигающегося недуга - дети, убегающие от пьяных родителей, жены, терпеливо ждущие мужей в дни полочки у заводских проходных, - фиксировались печатью особенно пристально уже с 1922 г. "Окончился пятилетний отдых работниц, когда они видели своего

мужа вполне сознательным. Теперь опять начинается кошмар в семье. Опять началось пьянство...", - писала в редакцию "Петроградской правды" группа работниц Московско-Нарвского района.³ Газеты стали публиковать многочисленные письма к коллективные резолюции протеста против самогонщиков. Их авторы апеллировали не только к совести рабочих, но и к правоохранительным органам. Возмущение пороком определяло и размеры предлагавшихся за него наказаний, зачастую максимальных.

2. Динамика потребления алкоголя в 20-е годы

Хотя в 1923 году ассортимент спиртных напитков был весьма широк (столовые и десертные вина, крепкие виноградные вина, портвейны и шампанское), но в основном горожане потребляли самогон и пиво (последнее стало любимым пролетарским напитком - в среде рабочих сложился стереотип ежедневного его потребления), тогда как потребление виноградных вин стояло на одном уровне с денатуратом и политурой.

На протяжении исследуемого периода в результате действия комплекса причин наблюдался постоянно прогрессирующий рост потребления спиртного. Так, если принять расход рабочей семьи на спиртные напитки в 1922 году за 100%, то в 1923 году он составил 166,7%, в 1924 — 466,7%, в 1925 — 1222,3%, в 1926 — 1344,5%, а в 1927 — 1760,0%⁴. Наиболее сильный рост начался с 1925 года, то есть с момента "возвращения" в страну 40° водки, выпуск и продажа которой увеличивались год от года. В РСФСР на душу населения в 1924–1925 годах приходилось 0,48 л "хлебного вина", в 1925–1926 — 1,85 л, в 1926–1927 — 3,2 л, в 1927–1928 — 4,06 л, а в 1928–1929 — 4,18 л. Наряду с водкой жители России охотно и в больших количествах употребляли самогон, пиво, вино, брагу, хмельные квас и мед и т.д. По данным ЦСУ и Центроспирта, в 1927–1928 годах на душу населения

³ Цит. по: Н.Б. Левина Рабочая молодежь и антиалкогольное движение. 1920-х годов. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ и ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Л., Изд-во Библиотеки АН СССР 1989 г.

⁴ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М.: ЦСУ РСФСР, 1929. с. 28.

пришлось в переводе на 40° алкоголь 8,7 л спиртных напитков (0,71 ведра), тогда как в 1913 году среднедушевое потребление на территории России, соответствующей территории РСФСР, составило чуть более 8,61 л (0,7 ведра)⁵. Данные об объемах выгнанного и потребленного в России самогона основаны на материалах анкетного обследования, проведенного ЦСУ в 1928 году⁶. Исследователи 1920-х — начала 1930-х годов с большим недоверием отнеслись к этому источнику⁷. Действительно, полученные данные явно занижены, они не подтверждаются сведениями с мест. Например, Пензенский губернский статистический комитет (ПГСК), проводивший параллельное обследование по требованию Пензенского губернского исполнительного комитета, обеспокоенного ростом выгонки и потребления самогона в регионе, установил, что если в 1912 году жителями губернии было выпито 523 тысячи ведер водки, то в 1927 году только самогона — 681 тысяча ведер, или на 25% больше. При этом сотрудники ПГСК предупреждали, что эти цифры ориентировочные и их следует увеличить как минимум на 20–25%⁸. Конечно, каждый автор волен в выборе источников и оценке степени их достоверности, но как бы то ни было, очевидно: население советской России во второй половине 1920-х годов употребляло спиртных напитков больше, чем в дореволюционный период.

Необходимо, кроме того, учитывать, что изменилось "алкогольное меню". В Российской империи наиболее распространенным спиртным напитком была высококачественная водка, в 1920-е годы — самогон. Это существенно повлияло на ситуацию, связанную с употреблением алкоголя. Во-первых, в отличие от водки, имевшей крепость 40°, крепость самогона, получаемого путем перегонки при помощи пара, — 40–50°, а при повторной перегонке — 60–80°. Во-вторых, примерно одна четвертая часть всего

⁵ Шетилов Д. Алкоголизм и преступность. М.–Л.: НКВД РСФСР, 1930. с. 33

⁶ Алкоголь в современной деревне. М.: ЦСУ РСФСР, 1929, с.41

⁷ Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. с. 78

⁸ Панин С.Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии). Пенза: ПГПУ, 2002. с. 62

самогона делалась с применением примесей. Они использовались для большей "забористости" и, усиливая действие алкоголя, очень часто приводили к отравлению. Наиболее популярными примесями были: хмель, горчица, хрен, бензин, керосин, табак, полынь, перец, куриный помет, известь, купорос, мыльный камень, наркотики, белена, дурман, денатурат. В третьих, лабораторные исследования 1920-х годов показали, что самогон давал ощущение повышенной крепости от содержащихся в нем резких и сильно действующих примесей (сивушных масел, альдегидов, эфиров, кислот и т. д.), которые не удавалось отделить от спирта при кустарном ведении производства. Этих примесей в самогонке было в несколько раз больше, чем даже в сыром заводском спирте, так называемой "сивухе", изъятой из продажи еще при царском правительстве по причине ядовитости. Таким образом, по разрушительному воздействию на организм потребителя самогон в несколько раз превышал водку.

3. Ситуация с пьянством в городе и в деревне

Разницу в пьянстве между городом и деревней показывает статистика пьяной преступности. И в городе, и в деревне рост "пьяной" преступности в 1920-е годы обгонял рост "трезвой" (табл. 2), однако различия в зависимости от места совершения преступления были весьма существенны. Так, если в городах число совершивших преступления в состоянии опьянения возросло с 1925 по 1928 гг. почти в 6 раз, а в трезвом виде — лишь в 1,7 раза, то в деревне соответственно в 7,5 раза и в 1,3 раза, иначе говоря, разрыв был больше. Явную диспропорцию между городом и деревней подчеркивают данные об увеличении числа осужденных за совершение преступлений в расчете на 10 тысяч населения (табл. 3). В городах в течение всего рассматриваемого периода этот показатель был выше, чем в деревнях.

Таблица 2. Доля лиц, осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения и в трезвом виде, в городе и деревне, %⁹

Год	Совершившие преступление в состоянии опьянения		Совершившие преступление в трезвом виде	
	Город	Деревня	Город	Деревня
1925	100,0	100,0	100,0	100,0
1926	315,5	327,5	122,2	114,1
1927	389,0	518,4	115,1	116,9
1928	593,6	755,7	173,9	132,6

Таблица 3. Доля осужденных в городе и деревне на 10 тыс. населения¹⁰

Год	Число осужденных за преступление, совершенное:			
	в состоянии опьянения		в трезвом виде	
	Город	Деревня	Город	Деревня
1925	6,9	2,0	60,9	31,1
1926	20,7	6,4	69,6	34,9
1927	24,4	10,0	63,2	35,1
1928	35,3	14,3	90,3	39,1

Анализируя соотношение городской и сельской преступности в России в 1920-е годы, М.Н. Гернет отмечал, что преступность всегда больше там, "где при современных условиях интенсивнее общественная жизнь"¹¹. По официальным данным ЦСУ и Центроспирта, в 1927 году на душу населения в деревне приходилось 7,52 л 40° алкоголя (в 1913 году — 6,51 л), в городе — 13,4 л (в 1913 году — 22,67 л). На этом основании делался вывод,

⁹ Шепилов Д. Алкоголизм и преступность. М.–Л.: НКВД РСФСР, 1930

¹⁰ Шепилов Д. Алкоголизм и преступность. М.–Л.: НКВД РСФСР, 1930

что в новой России в деревне за счет самогона пьют больше, чем до войны, а городское потребление, превышающее сельское, тем не менее, еще не достигло довоенных показателей. Это утверждение достаточно спорно. Во-первых, в своих подсчетах ЦСУ исходило из предположения, что "самогонка изготавливается в деревне, там употребляется и в город не попадает"¹¹. Между тем, хотя со времени разрешения продажи сорокаградусной водки (1925 год) самогоноварение в городах действительно почти прекратилось, пить самогон здесь не перестали. Товарный самогон поступал в города из ближайших деревень и входил в качестве обязательного компонента в "алкогольное меню" горожан. К примеру, по данным ПГСК, в Пензе каждый рабочий выпил 6,72 бутылки самогона, а служащий - 2,76 бутылки. Во-вторых, при сравнении данных 1913 года и 1927 года, не учитывались наработки Д.Н. Воронова, который исследовал потребление спиртного не с точки зрения нахождения места продажи, а исходя из того, кто купил и выпил¹². Он подчеркивал, что в новых исторических условиях крестьяне не только не покупают в городах спиртное, но и наоборот, поставляют туда товарный самогон. Если бы сотрудники ЦСУ и Центроспирта в своих подсчетах учитывали это обстоятельство, то, при сравнении данных 1913 года и второй половины 1920-х годов, им пришлось бы констатировать, что авангард новой власти - рабочие - являются основными потребителями алкоголя в городах и в советской России они пьют ничуть не меньше, чем в Российской империи. Соответственно, преступления в состоянии опьянения в городах совершались чаще, чем в сельской местности.

В 1920-е годы изменился и сам потребитель спиртного. "Все специалисты сейчас, безусловно, сходятся в том, что современный алкоголизм отличается от довоенного. Война и революция с их потрясающими переживаниями, большее количество инвалидов и травматиков, в частности с ослабленной нервной системой, эпидемии, в

¹¹ Панин С.Е. Потребление самогона в советских городах во второй половине 20-х годов XX в. // Платоновские чтения. Самара: Самарский университет, 2002. с. 23-24

¹² Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза: Тип. А.И. Раппопорта и К, 1913

особенности недоедание голодных годов и т.д., сделали многих менее устойчивыми против алкоголя, и реакции на алкоголь стали более бурными", — говорил в 1928 году доктор Цирасский¹³.

4. Государственная политика в отношении пьянства и самогоноварения

С проблемой неуправляемой пьяной толпы советская власть столкнулась в самом начале революции. Это касалось винных погромов в Петрограде 1917 года. Резкое усиление беспорядков произошло в начале декабря 1917 года, когда в течение суток отмечались десятки случаев разгромов складов спиртного¹⁴. Следствием этого стало резкое повышение количества уголовных преступлений. В Петрограде сложилась критическая обстановка. «Город оказался беззащитной добычей погромного элемента, хулиганья, погромной агитации и ножевых расправ,» - так писал в своих воспоминаниях Н.И. Подвойский, бывший в то время председателем Петроградского военно-революционного комитета¹⁵. Красногвардейцы охраняли склады спирта, арестовывали спекулянтов и тех, кто подстрекал людей к погромам.

В связи с резким увеличением количества контрреволюционных выступлений 6 декабря состоялось общегородское собрание представителей воинских частей и штабов Красной гвардии. В резолюции, принятой на собрании, речь шла о создании районных комитетов по борьбе с погромами и пьянством, а также о формировании сводных отрядов для охраны революционного порядка из надежных людей¹⁶.

Учитывая сложность создавшейся в городе ситуации, ВРК издавал суровые приказы о предании военно-революционному суду за сокрытие запасов вина и спирта, спекуляцию, за подстрекательство к погромам, даже

¹³ Воронов Д.Н. Алкоголь в современном быту. М.–Л.: Госиздат, 1930. с. 54.

¹⁴ Очерки истории Ленинграда. Л., 1978 с. 126

¹⁵ Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. Л., 1981 с. 39

¹⁶ Очерки истории Ленинграда. Л., 1978 с. 56

за появление на улице в нетрезвом виде. Комитет издал обращение «Ко всем гражданам Петрограда», в котором предлагалось сообщать в Смольный о местонахождении винных складов, не уничтожать их самовольно и т.д. Обращение было подписано комиссаром ВРК по борьбе с алкоголизмом и азартом И. Балашовым. Петроградские рабочие создавали отряды для блокирования складов спиртного, патрулировали улицы города, арестовывали пьяных, хулиганов, спекулянтов, входили в состав судов¹⁷.

Новая власть не собиралась вплотную заниматься сферой производства и потребления алкогольных напитков. Так, декрет Совнаркома РСФСР от 19 декабря 1919 года «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», в определенной мере подтверждавший «сухой закон» военной поры, скорее стал продолжением политики широкомасштабной национализации, нежели осознанной антиалкогольной акцией. Суровость декларируемых властью мер, предусматривающих лишение свободы не только за изготовление самогона, но даже за появление в пьяном виде в общественных местах, была, в большей степени, обусловлена нависшей над страной военной опасностью, а также необходимостью сохранить хлебные запасы для населения и нужное количество спирта для промышленности. Но, с другой стороны, запрет на продажу спиртного сопровождала декларация об отсутствии у рабочих потребности в нем. Это было явной идеализацией облика рабочего класса, чей безалкогольный досуг должен быть стать антиподом повседневной жизни высших слоев царской России. Предполагалось, что в новом обществе пристрастие народа к спиртному исчезнет как по мановению волшебной палочки по причине отсутствия социальных корней оно.

В условиях резкого обострения в стране продовольственного положения для пресечения переработки хлеба на самогон в мае 1918 г. был принят декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного

¹⁷ Ульянова С.Б. Из истории борьбы с винными погромами в Петрограде в первые месяцы Советской власти. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ и ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Л.,Изд-во Библиотеки АН СССР 1989 г. с. 31

комиссара по продовольствию¹⁸. Декрет предусматривал уголовную ответственность за самогонование в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества, изгнания навсегда из сельской общины и принудительных общественных работ. Самогонование было отнесено к наиболее опасным нарушениям социалистической законности.

Во второй Программе Коммунистической партии - программе построения социализма в нашей стране, принятой VIII съездом РКП(б) в 1919 г., среди ближайших задач в области охраны народного здоровья, указывалась и борьба с алкоголизмом. Программа причислила злоупотребление спиртным к «социальным болезням», а запрещение алкоголя, как «безусловно вредного для здоровья населения» было внесено даже в план ГОЭЛРО.

Именно этому вопросу и был посвящен проект «Карательных правил для борьбы с тайным винокурением и корчемством, вином», предложенный Народным комиссариатом финансов на межведомственном совещании 23 июля 1919 г.¹⁹. Этот проект и лег в основу постановления Совета Народных Комиссаров о запрещении в РСФСР без разрешения производства и продажи спиртных напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ от 19 декабря 1919 г. В современной литературе это постановление нередко называют "сухим законом", но в прямом смысле слова этот декрет Совнаркома таковым не являлся, так как он в полной мере не запрещал потребление спиртных напитков. В соответствии с пунктом 1-м постановления в РСФСР повсеместно воспрещалось «изготовление без разрешения спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, из каких бы припасов или материалов, какими бы способами, какой бы крепости и в каком бы количестве спиртовые напитки и вещества ни были приготовлены»²⁰.

¹⁸ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 2, с.261

¹⁹ Пархоменко А.Г. Государственно-правовые мероприятия в борьбе с пьянством в первые годы Советской власти // Сов. гос-во и право. 1984. № 4. С. 114.

²⁰ Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 34-38.

Хотя декрет Совнаркома РСФСР от 19 декабря 1919 г. и устанавливал суровую ответственность за производство самогона (лишение свободы на срок не менее 5 лет) и за появление в пьяном виде на улицах и в других общественных местах (лишение свободы на срок не менее 1 года) практически выполнить тогда эти пункты декрета было трудно.

В 1921 году появились первые послабления в алкогольной сфере. Так, специальным постановлением Совнаркома РСФСР от 9 августа 1921 года, подписанным наркомом продовольствия А.Д. Цюрупой, была разрешена продажа виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин с содержанием алкоголя не более 20 градусов, на что требовалось особая санкция отделов управления местных исполкомов. 26 июня 1922 года было издано очередное Постановление СТО о государственной-спиртовой монополии, запрещавшее выпускать спирт из заводов и складов на внутренний рынок для реализации без особых нарядов Центра.

В результате этих и других мер к 1923 году государственное производство пищевого спирта упало почти до нуля. Однако население, не собиравшееся отказываться от крепких спиртных напитков, отсутствие водки с лихвой компенсировало самогоном. Возрожденная в 1922 году государственная винокурная промышленность (в декабре в Советской России работало уже свыше 110 таких предприятий) не могла сколько-нибудь серьезно конкурировать с дешевым самогоном (этот «живительный напиток» обходился производителю не дороже 1 копейки за градус, тогда как рыночная цена в деревне была выше примерно в 2 раза, а в городе - в 3-4 раза), заполнившим российское пространство.

Лишь только после выпуска в продажу в первых числах декабря 1924 г. напитков 30-градусной крепости («Русской горькой» и различных наливок) удалось сбить волну самогонварения в городах, но не в деревне, где из пуда хлеба можно было выгнать 10-12 бутылок самогона подобной крепости.

Несмотря на сопротивление значительного числа членов ЦК партии, И.В. Сталину удалось на Октябрьском (1924 года) пленуме ЦК РКП(б)

протащить решение о государственном производстве и торговле водкой, правда, как «вынужденную», «грязную» и «временную» меру. На XIV съезде партии Сталин отмечал: «Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами ... то остается одно: искать источников в других областях ... Тут надо выбирать между кабалой и водкой, и люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются».²¹ Другими словами, родовые муки социализма решено было облегчить привычным типом анестезии - крепкими спиртными напитками. Как объяснял председатель правительства А.И. Рыков, лучше иметь «русскую горькую», чем нарождающуюся буржуазию в деревнях, которая нарушает законы, истребляет громадное количество хлеба и удовлетворяет народную нужду в водке. Таким образом, «пьяная» выручка получила «созидательное» направление.

В 1924 году соратник Д.И. Менделеева М.Г. Кучеров модифицировал рецептуру «Московской особенной». Для лучшей «питкости» в нее стали добавлять пищевую соду (из расчета 30 мг на бутылку) и уксусную кислоту (из расчета 20 мг на бутылку). Однако в народе водка, продажа которой была официально разрешена декретом Совнаркома СССР 28 августа 1925 года, получила название «рыковка». В среде интеллигенции в 1920-е годы даже ходил анекдот, что в Кремле каждый играет в свою карточную игру: Сталин в «короли», Крупская – в «Акульку», а Рыков – в «пьяницу».²²

На основании введенной 5 октября 1925 года казенной винной монополии, исключительное право на приготовление и продажу 40-градусной водки получил Центроспирт, который выбросил ее на рынок по «демпинговой» цене в 1 рубль за бутылку. Но резко усилившееся в связи с этим пьянство заставило Центроспирт уже через месяц повесить стоимость водки почти в полтора раза. А это, незамедлительно, привело к увеличению самогонварения. Стремясь победить конкурента в лице тайных

²¹ Сталин И.В. Сочинения. М., 1954. Т. 9. С. 191; Т. 10. С. 231

²² Лебина Н.Б. Повседневность 1920-1930-х годов: «Борьба с пережитками прошлого» ... С. 248.

производителей алкоголя, госорганы были вынуждены с лета 1926 года снижать цены на водку, доведя из 1,1 рубля за бутылку. Эта мера привела к постепенному исчезновению самогона с городского рынка, а успехи в экономической борьбе с самогонварением, в свою очередь, привели к пересмотру правовых норм. Сначала статья 140 была расчленена, затем приготовление самогона для собственных нужд было переведено в разряд административных нарушений. Постановлением СНК РСФСР от 9 сентября 1926 года были отменены премии милиции, отчисляемые от штрафных денег самогонщиков, а с 1 января 1927 года вступил в силу новый Уголовный Кодекс РСФСР, не предусматривающий наказаний за самогонварение. Перестало оно преследоваться и в административном порядке.²³

С 1927 года продажа водки населению была существенно расширена, а доход от ее реализации которой составил около 500 млн. рублей. Доля от продажи спиртных напитков в государственном бюджете в период 1923/24 – 1927/28 гг. выросла с 2% до 12%. Заметим, что в царской России, деньги, вырученные от продажи водки составляли почти треть «пьяного бюджета» – 38% в 1895 г., 31% в 1905 г., 30% в 1909 г. и 26,4% в 1913 г.³⁴ Но «нет таких крепостей, которые бы не смогли взять большевики». В новых условиях идея всеобщей трезвости по сути дела становилась антигосударственной. На этом фоне городская среда стала неуклонно пьянеть.

5. Борьба с самогонварением

Трудно говорить о какой-либо более или менее организованной борьбе с пьянством в начале 1920-х годов. Лишь эпизодически ею занимались местные партийные и комсомольские ячейки. Всплеск пьянства объяснялся «гримасами» новой экономической политики, рассматриваемой в партийных кругах как временное отступление в процессе строительства

²³ Литвак К.Б. Самогонварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 76.

социалистического общества. Поэтому вполне логичными выглядели упования на изживание пьянства одновременно со свертыванием нэпа.

Совсем другое дело сфера самогонварения, где усиление администрирования и ужесточению карательной практики центральной власти в первой половине двадцатых годов было тесно связано не только и не столько с жесткой конкуренцией с государством в сфере производства алкоголя, сколько в разрушающем воздействии производства самогона на медленно возрождавшееся после войны крестьянское хозяйство. Размеры самогонварения резко возросли еще в период «военного коммунизма», когда крестьяне старались побыстрее перекурить хлеб, чтобы избежать его сдачи по продразверстке. Мало что в этом отношении изменилось и при переходе к продналогу, который в 1921 году во многих регионах почти ничем не отличался от разверстки предыдущих лет.

С восстановлением выделки самогона в 1921-22 годах от любительских попок потребление самогона быстро перешло в привычку пьянствовать. Часть середняцких хозяйств вообще перестала быть хозяйствами и совершенно развалилась.

Самогонварение и потребление самогона в Советской России в первой половине 1920-х годов (в том числе и в сельской местности) достигли столь колоссальных размеров, что в сводках ОГПУ появляется даже особая «пьяная сводка». «Аграрный» характер большинства российских городов и теснейшие связи горожан с селом способствовали как стабильному ввозу самогона, так и организации его производства в местах повышенного спроса.

2 мая 1922 г. приказом по милиции РСФСР борьба с самогонварением была объявлена ударной. Уголовные дела о самогоне и его сбыте суды стали рассматривать вне очереди. Но эта борьба осложнялась тем, что законодательством предусматривалась ответственность лишь за производство самогона с целью сбыта. Лишь в конце 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О мерах по усилению борьбы с самогонварением", по которому уголовная и административная

ответственность устанавливалась не только за изготовление, но и за хранение и сбыт самогона.

В Рязанской губернии началась активная борьба с самогонокурением. Проводились недели и месячники борьбы с самогонщиками, результаты широко публиковались в печати. Например, только в период с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. в губернии было проведено 13240 обысков, из них 6396 результативных, отобрано 1308 ведер самогона.

СНК РСФСР выработал материальные меры поощрения для милиционеров, ведущих активную борьбу с самогонокурением – Декрет от 20 декабря 1922 г. предусматривал передачу 50% сумм, взысканных в виде штрафов с нарушителей, на премирование активистов по раскрытию незаконного приготовления и хранения спиртных напитков и спиртосодержащих веществ (в 1927 г. этот порядок премирования был отменен).

По свидетельству современников, продукция самогонщиков из сел Канищево, Недостоево, Семчино славилась не только в Рязани, но и в Москве. Для доставки самогона в город самогонщики шли на всякие ухищрения, например, красили стеклянные емкости изнутри белой краской, наливали в них самогон и провозили под видом молока.

Операции по борьбе с самогонокурением проводились накануне крупных праздников. По заранее составленным спискам милиция производила обыски у самогонщиков. Местная власть в лице сельсоветов не оказывала помощи милиции, в основном потакая самогонщикам. При первом же появлении милиционеров в деревне весть об этом распространялась с быстротой молнии, и самогонщики успевали скрыть следы преступления.

В 1924 - 1925 годах милицией в Рязанской губернии было проведено 24258 обысков, составлено 16164 протокола на самогонщиков, конфисковано 4972 самогонных аппарата, 1461 ведро самогона.

Неслучайно именно против самогоноварения был направлен главный удар коммунистической пропаганды. Одним из первых нанес его Владимир

Маяковский агитационным лубком 1923 года «Вон – самогон!». Идеологическая подоплека антисамогонной кампании очевидна: стихи, иллюстрированные автором, трактовали пьянство как политическое зло, провоцируемое врагами Советской власти. Соответственно, борьба с алкоголем уподоблялась борьбе с контрреволюцией. Не случайно очень близка их образная трактовка - в виде зеленого змия.

Но правительственные меры двадцатых годов носили скорее характер кампанейщины, штурмовщины и прямого администрирования. Так, в ноябре 1922 года 140-я статья УК РСФСР, предусматривавшая лишение свободы на срок не ниже 1 года с конфискацией части имущества, была изменена в сторону ужесточения карательной практики. Теперь «изготовление и хранение для сбыта, а равно торговля самогоном в виде промысла, с целью личного обогащения, карается - лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией, конфискацией всего имущества и поражением в правах на срок до пяти лет». За самогонование без цели сбыта и хранение спиртного предусматривался штраф до 500 рублей золотом или 6 месяцев принудительных работ.²⁴

Широкую кампанию борьбы с самогонщиками (по РСФСР в 1923 году было изъято 115 тысяч самогонных аппаратов, а в следующем году - 135 тысяч)²⁵ стимулировала введенная система премиальных отчислений от штрафов. Специальное постановление правительства «О распределении штрафных сумм, взыскиваемых в судебном и административном порядке за незаконное изготовление, хранение и сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ» от 20 декабря 1922 года предусматривало поступление половины взысканных сумм для поощрения сотрудников милиции, а остаток делился поровну между «прочими лицами», способствовавшими изъятию, и местными исполкомами. Весьма

²⁴ Уголовный Кодекс РСФСР. М., 1924. с. 585

²⁵ Лютов Л.Н. Региональный аспект социальных процессов в первые годы нэпа. 1921-1923. (По материалам периодической печати Симбирской губернии) // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. с.183.

сомнительно, что подобными методами можно было искоренить пьянство и остановить самогонокурение.

В целом неэффективной оказалась и деятельность созданной по инициативе Президиума ВЦИК и утвержденной решением Политбюро ЦК РКП(б) 27 сентября 1923 года постоянной комиссии для борьбы с самогоном, кокаином, пивными и азартными играми под руководством П.Г. Смидовича. В рекомендациях комиссии, наряду с мерами административного воздействия и культурно-просветительной работой, ставился также «вопрос о вине и пиве как возможном отвлекающем от самогона». Но вытеснить самогон с помощью продажи пива и виноградных вин крепостью до 14 градусов никак не получалось. В письме рабочего А.А. Рожкова из Тверской губернии М.И. Калинину отмечалось, что «практически борьба с самогоном не дает желательных результатов», так как «большинство населения землеробы в Советской республике, их нам не заставить пить советские наливки, портвейны, хересы по 3 рубля бутылка, когда они выгоняют по 60 копеек на 40⁰»²⁶. Ситуация приобретала характер замкнутого круга ввиду того, что «отряды милиции часто сами отбирают самогон по 10 ведер, сами продают его кому попало, и сам отряд бывает не в состоянии после обыска уйти на своих ногах, и их отвозят ночью на телегах по месту жительства»²⁷. Более ощутимый удар по самогоноварению нанесла ликвидация «сухого закона», хотя и не повлияла существенно на снижение уровня алкоголизации деревни.

6. Антиалкогольная кампания конца 1920-х

Лакмусовой бумажкой неблагополучного положения в алкогольной сфере стало появление в октябре 1926 года в Ленинграде первых в стране вытрезвителей, а весной 1927 года - наркологических диспансеров.

²⁶ Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М.: Изд-во МГОУ, 2005. с. 98

²⁷ Аманжолова Д.А. Горячо живу и чувствую ... М., 1998. С. 239

«Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!».

Плакат с таким призывом, описанный Михаилом Зощенко в рассказе «Землетрясение», как нельзя лучше отразил общее, весьма политизированное направление деятельности созданного в феврале 1928 года «Общества по борьбе с алкоголизмом» под председательством Ю. Ларина (М.А. Лурье), первым заместителем которого стал рабочий-металлист С.М. Семков. Наличие в руководстве Общества представителя «правлящего класса» должно было направить ее деятельность в нужное идеологическое русло.

Следует заметить, что Советская власть, одной рукою открывшая дорогу спаиванию населения дешевой водкой, другой все-таки пыталась принимать меры по борьбе с пьянством. Эти меры возымели некоторое действие, хотя не столь большое, как ожидалось. Дело в том, что позиция властей по отношению к пьянству была двойственной: с одной стороны, его негативные социальные последствия были очевидны, а с другой стороны, доходы с пива были важной статьёй бюджета. Поэтому задача борьбы с пьянством была переложена на плечи общественности. Это позволяло, в случае необходимости, совершить резкий поворот в алкогольной политике в противоположную сторону или, по крайней мере, контролировать антиалкогольную кампанию со стороны, придавая ей нужную направленность и остроту.

Первые шаги «мягкой» антиалкогольной кампании практически совпали с отменой «сухого закона». Хотя в Тезисах ЦК ВКП(б) «О борьбе с пьянством» (июнь 1926 года) злоупотребление спиртным продолжало связываться с «наследием старого быта», однако к числу причин пьянства были отнесены не только «буржуазная идеология», но и «нэпманская стихия». Подобная увязка злоупотребления алкоголем с новой экономической политикой не только добавляла борьбе с пьянством недостающую ей классовую составляющую, но и оставляла возможности маневра в случае свертывания нэпа. Коль скоро будет удалена «основная причина» алкоголизма, то и само «следствие» исчезнет автоматически. Другими словами, в новых условиях расширение выпуска водки, как

источника средств ускоренной индустриализации, не представляло собой опасности.

Тем не менее, во второй половине двадцатых годов антиалкогольные меры не сводились к театрализованным представлениям и идеологическим заклинаниям. Вышедший в сентябре 1926 года декрет СНК РСФСР «О ближайших мерах в области лечебно-предупредительной и культурно-просветительной работы с алкоголизмом», помимо борьбы с самогонованием и развития антиалкогольной пропаганды, предусматривал введение системы принудительного лечения алкоголиков. С осени этого же года в школах были введены обязательные занятия по антиалкогольному просвещению. В марте 1927 года в ряде городов РСФСР были введены некоторые ограничения на продажу спиртного - малолетним, лицам в нетрезвом состоянии, в выходные и праздничные дни, в буфетах заведений культуры и т.д.²⁸.

Активное участие в кампании против пьянства приняли видные советские ученые. Например, в 1927 году вышла книга В.М. Бехтерева «Алкоголизм и борьба с ним», в которой, в частности, «отрезвление трудящихся» рассматривалось как «дело самих трудящихся» и связывалось с достаточным культурным уровнем широких масс. Однако, общий тон антиалкогольной кампании того времени задавала статья Б. Дидриксона в журнале «Трезвость и культура» с весьма характерным названием «Пьяниц — к стенке!». Предлагаемые меры, помимо организации курсов агитаторов-пропагандистов, предполагали создание специальных дружин и отрядов «легкой кавалерии» по борьбе с пьянством. Не случайно, в 1927 году председателем военной секции Всесоюзного совета антиалкогольных обществ был избран «главный кавалерист» страны С.М. Буденный.

Своего пика антиалкогольное движение достигло в 1928-1929 годах, и было тесно связано с активной деятельностью уже упомянутого «Общество по борьбе с алкоголизмом», члены которого смысл своей деятельности

²⁸ Тихомирова Н.М. Производство и потребление алкоголя в первые годы нэпа: механизм контроля и формы противодействия // Источник. Историк. История: Сборник научных работ. Вып. 1. СПб., 2001. с.96

видели в том, чтобы «оно будоражило общественное мнение, создавало настроение в массе, проводило законы».²⁹ Организованная борьба совпала по времени и целям со всесоюзным комсомольским культпоходом как в городе, так и в деревне.

В первый же год работы Общества было создано более 150 местных отделений, члены которых изучали вопросы наркотизма и борьбы с ним, организовывали лекции, доклады и митинги на антиалкогольные темы. Кроме того, Общество организовало и провело более 100 специальных уличных шествий и около 60 рабочих конференций. Это было вполне обосновано, так как к моменту создания ОБСА мест культурного отдыха в стране было в три раза меньше, чем мест продажи спиртных напитков.³⁰

Общество добилось официального принятия Постановления СНК РСФСР от 29 января 1929 г. о запрещении открывать новые торговые точки по продаже водки, торговать ее в праздничные и предпраздничные дни, в дни зарплаты и в общественных местах, продавать спиртное несовершеннолетним и пьяным, а также вести алкогольную пропаганду. Однако, показательно то обстоятельство, что в 1929 году в Ленинграде власти разгромили трезвенническую секту Ивана Чурикова, четверть членов которой составляли молодые ленинградские рабочие, и которая пользовалась большой популярностью в среде рабочего класса. На предприятиях члены Общества выпускали листовки с фотографиями пьяниц и с карикатурами на них, устраивали производственные суды. Были даже организованы конкурсы на «непьющее предприятие», выпускались специальные «Боевые сводки против водки».

В январе 1928 года был организован радиомитинг «Профсоюзы в борьбе с пьянкой», а в Третьяковской галерее Общество и Наркомат просвещения провели широко распропагандированную антиалкогольную выставку. Журнал «Трезвость и культура» публиковал официальные материалы, но обложку использовал для политически злободневных

²⁹ Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М., 1929. С. 33.

³⁰ Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. С. 131.

лозунгов. Так, на обложке второго номера журнала за 1929 год сообщалось, что «190 000 квартир можно было построить или 720 000 тракторов можно было купить на те деньги, которые были пропиты в СССР в 1927 году»

Важнейшей частью антиалкогольной кампании стал плакат, который связывал искоренение пьянства с завершением культурной революции, с антирелигиозной пропагандой и с повышением культурного уровня населения. Эти представления наиболее ярко и оптимистично выразил В. Дени в плакате «Долбанем!» (1929). Тогда же появились плакаты, противопоставлявшие употреблению алкоголя культурный досуг - «Книга вместо водки», «Кто умен, а кто дурак! Один за книгу, другой - в кабак» и другие. Плакат осуждал пьянство и на бытовом уровне. С призывом не пить на плакатах обращались к отцам дети (например, Д. Буланов «Папа, не пей!»), а тексты делали упор на сознательность: «Помни, когда ты пьешь, твоя семья голодает». В подобных произведениях зачастую сформировался образ пьяницы - человека опустившегося и страшного (Лебедев К. «Такой отец - губитель нашей семьи»). Тогда как в плакатах, агитировавших за первую пятилетку, пьянство трактовалось не больше, не меньше как тормоз социального прогресса: «Чтобы превысить промфинплан, снижай алкоголизм, травматизм, болезни»; «Социализм и алкоголизм несовместимы» и т. п.

Да и в целом с 1928 года борьба с пьянством постепенно приобретает характер очередной идеологической «кавалерийской атаки» под лозунгом: «Алкоголизм и социализм несовместимы». Приметой антиалкогольной кампании 1928-1929 годов стал публичный отказ от потребления спиртного. Например, в апреле 1928 года рабочие Балтийского завода выдвинули лозунг: «Бросим пить - пойдем в театр и кино». Однако подобное единодушие, созвучное решениям партийных органов, скорее свидетельствовало о нарастающем конформизме населения, нежели об осознанном движении за трезвость. В эту кампанию оказались вовлеченными даже дети. Почти повсеместно (в том числе и в школах) возникали ячейки юных друзей ОБСА. В Москве, Ленинграде, Вологде, Перми, Рыбинске

тысячи детей выходили на улицы с лозунгами: «Мы требуем трезвости от родителей» и «Долой водку». Например, в Сормове состоялась грандиозная детская антиалкогольная демонстрация с участием более 5 тысяч учащихся, а московский областной слет пионеров принял решение об отказе старших братьев - комсомольцев - от употребления алкогольных напитков. В рабочих аудиториях в дни получки периодически проводились встречи родителей и детей под лозунгом «Отец, брось пить! Отдай деньги маме!»³¹.

Дальше – больше. Отряды «легкой кавалерии» стали закрывать питейные заведения, но к 1930 году кампания государственной борьбы с пьянством в основном выдохлась. Появились первые наркологические диспансеры, но работа, для которой требовались квалифицированный персонал и лекарства, проводилась слабо и эпизодически. В итоге медицина все больше уступала место политическим судам ОБСА.

Хотя «антиалкогольный фронт» был дополнен новым наступлением на «самогонные бастионы», по данным ЦСУ и Центроспирта, за первые пять лет после введения продажи государственной водки (1924-1929 гг.) выгонка самогона в стране не уменьшилась, а возросла с 480 млн. литров до 810 млн. литров.³² Возобновленная же милицией с начала 1928 г. антисамогонная деятельность, носившая ярко выраженный карательный характер, была тесно связана с провалом хлебозаготовок осени-зимы 1927 года. Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 2 января 1928 года приготовление, хранение и сбыт самогона, а также изготовление, хранение, сбыт и ремонт самогонных аппаратов вновь запрещались, и за эти нарушения предусматривались административные наказания либо в виде штрафа до 100 рублей, либо в виде принудительных работ на срок до 1 месяца³³.

³¹ Орлов И.Б. Класс – он тоже выпить не дурак.// Солидарность. № 16 (359), май 2002

³² Борьба с алкоголизмом в СССР. I пленум Всесоюзного Совета противоалкогольных обществ СССР, М.; Л, 1929.

³³ Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. с. 77

Непродуманная антиалкогольная компания 1928-1929 года, которой предшествовал год «либерального не запрещения» производства самогона, лишь ухудшила ситуацию. Частичная реализация требований Ю. Ларина и его сторонников в области сокращения производства водки и иных алкогольных напитков, закрытия части мест реализации «казенки» и сокращения времени работы этих заведений, привели к росту шинкарства и потребления самогона в городах. Несмотря на самое решительное применение штрафов, арестов и конфискации, административными мерами убить самопального «зеленого змия» государству никак не удавалось.

Борьба с пьянством в Советской России приносила больше поражений, чем побед. По сути, была потеряна последняя возможность вытеснить самогон водкой. Впереди были год «великого перелома», усиление миграции в города сельских жителей, возможно и тех детей, что «баловались» на огороде самогоном, которые привносили в городскую культуру, и без того носившую полукрестьянский, «мигрантский» характер свои традиции и ритуалы потребления алкогольных напитков. В первую очередь, в города вытеснялась молодежь, воспитанная на самогоне. То есть, мы видим, что объективные факторы, закрепляющие «традицию» потребления самогона городскими жителями были налицо.

До конца двадцатых годов Сталин, в целом, был сторонником сдерживания пьянства. Он поддерживал антиалкогольную борьбу, придерживаясь так называемой «политики прессы», когда сверху планировалось систематическое сокращение выпуска и общедоступности водки (например, в части выпуска спиртных напитков был утвержден не госплановский вариант I-го пятилетнего плана, а несколько сокращенный план, рожденный в недрах ОБСА), а регламентация торговли спиртными напитками в регионах была отдана в юрисдикцию местным Советам³⁴.

Однако планы первых пятилеток окончательно похоронили утопию всеобщей трезвости. С одной стороны, расширения продажи спиртных

³⁴ .Орлов И.Б. Класс – он тоже выпить не дурак.// Солидарность. № 16 (359), май 2002

напитков стало важным внутренним источником поступления средств на нужды форсированной индустриализации (в 1929 г. стране впервые был спущен план по водке), а с другой, спаивание народа, позволяло сохранять бездефицитный бюджет.³⁵

После принятия политических решений о свертывании нэпа накал на фронте антиалкогольных битв резко пошел на убыль. Сначала власти поддержали задуманную ОБСА кампанию по закрытию пивных и винных лавок в Ленинграде в 1931-32 годах, но уже в сентябре 1932 года Ленинградский облисполком направил в адрес районных исполкомов секретное предписание заранее согласовывать с ним все подобные случаи. Еще через год областные власти приняли решение об открытии новых винных лавок для усиления реализации водочных изделий. В апреле 1932 г. прекратило свою деятельность и «Общество по борьбе с алкоголизмом», как мешавшее «добыванию» средств на индустриализацию, а вместо него возникло более аморфное движение «за здоровый быт». Были закрыты издаваемые в Москве и Харькове журналы «Трезвость и культура», фактически полностью прекращена антиалкогольная пропаганда, перестали публиковаться сведения и статистические данные о распространении пьянства в стране.

Новым лозунгом дня стали слова тогдашнего наркома пищевой промышленности СССР А.И. Микояна: «Какая же это будет веселая жизнь, если не будет хватать хорошего пива и хорошего ликера?»³⁶. Ведущая тенденция в области алкогольной политики выглядела весьма определенной: в целях обеспечения «веселой жизни» к 1940 году производство спирта вдвое превысило довоенные показатели.

³⁵ Треншел К. Проблема пьянства в России и антиалкогольная кампания в годы первой пятилетки (1928-1933) // История России: Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. с. 91

³⁶ Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М.: Изд-во МГОУ, 2005, с.264.

Заключение

Политика советского государства в отношении производства и потребления алкоголя была непродуманной и непоследовательной. Начав с отрицания роли алкоголя в жизни рабочих, с отношения к алкоголизму как пережитку буржуазного строя, власть скоро поняла свою ошибку. Позиция властей по отношению к пьянству была двойственной: с одной стороны, его негативные социальные последствия были очевидны, а с другой стороны, доходы с напитков были важной статьей бюджета.

С 1928 года борьба с пьянством постепенно приобретает характер очередной идеологической «кавалерийской атаки» под лозунгом: «Алкоголизм и социализм несовместимы». Создано «Общества по борьбе с алкоголизмом», выпускаются журналы, проводятся митинги и т.п. К 1930 году кампания государственной борьбы с пьянством в основном выдохлась. Появились первые наркологические диспансеры, но работа, для которой требовались квалифицированный персонал и лекарства, проводилась слабо и эпизодически.

Непродуманная антиалкогольная кампания 1928-1929 года, которой предшествовал год «либерального не запрещения» производства самогона, лишь ухудшила ситуацию. Частичная реализация требований «Общества по борьбе с алкоголизмом» в области сокращения производства водки и иных алкогольных напитков, закрытия части мест реализации «казенки» и сокращения времени работы этих заведений, привели к росту шинкарства и потребления самогона в городах.

Антиалкогольная пропаганда была обречена на провал в стране, где был спущен план по водке (1929) и расширение продажи спиртных напитков стало важным внутренним источником поступления средств на нужды индустриализации, а спаивание народа позволяло сохранять бездефицитный бюджет.

Список литературы

- 1.Алкоголь в современной деревне. М., 1929.
- 2.Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М.: Изд-во МГОУ, 2005.
- 3.Борьба с алкоголизмом в СССР. I пленум Всесоюзного Совета противоалкогольных обществ СССР, М.; Л, 1929.
- 4.Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.
- 5.Булдаков В.П. Социокультурные гримасы нэповского времени и проблема социальной стабильности // Право, насилие, культура: региональный аспект (первая четверть). М.; Уфа, 2001.
- 6.Бухарев А.М. Комсомол в борьбе за новый быт (1926-1932 гг.) // Борьба партии за социалистический быт (1921-1937 гг.). Волгоград, 1985
- 7.Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М.: ЦСУ РСФСР, 1929
- 8.Воронов Д.Н. Алкоголь в современном быту. М.–Л.: Госиздат, 1930. с. 54
- 9.Воронов Д.Н. Динамика "самогона" // Административный вестник. 1929. N 3
- Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза: Тип. А.И. Раппопорта и К , 1913
- 10.Герцензон А. Современная преступность и алкоголизм // Советское государство и революция права. 1930. N 3.
- 11..Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000
- 12..Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К.Соколов. М., 1997.
- 13..Дейчман Е.И. Алкоголизм и борьба с ним. М. 1929

14. Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7.
15. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2,
16. За новый быт. Пособие для городских клубов. М., 1925. С. 28.
17. Ильина И.Н. Общественные организации России в 20-е годы // Социальные реформы в России: теория и практика. Вып. 3. М., 1996.
18. Ирошникова Е.М. Декрет ленинского совнаркома против алкоголизма. // Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость. БАН СССР, ЛГУ и ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Отв. редакторы д.и.н. Р.Г. Скрынников и Н.А. Копанев Л., Издательский отдел Библиотеки АН СССР 1989 г.
19. Каган А.Г. Молодежь после гудка. М.; Л., 1930
20. Канн П.Я. Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами ноябрь-декабрь 1917 г. // История СССР. 1962. № 3
21. Коган Б.Б., Лебединский М.С. Быт рабочей молодежи. М., 1929
22. Коржихина Т.П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х годов // Вопросы истории. 1985. № 9.
23. Крестьянские истории. Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крюкова. М., 2001.
24. Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М., 1929. .
25. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999.
26. Лебина Н.Б. Повседневность 1920-1930-х годов: «Борьба с пережитками прошлого» // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997.
27. Лебина Н.Б. Рабочая молодежь и антиалкогольное движение. 1920-х годов. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ и ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Отв. редакторы д.и.н. Р.Г. Скрынников и Н.А. Копанев Л., Изд-во Библиотеки АН СССР 1989 г.

28.Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С.41; Литвак К.Б. Указ. соч.

29.Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4.

ЛПА, ф. К-598, оп. 2, д. 70, л. 35.

30.Лютов Л.Н. Региональный аспект социальных процессов в первые годы нэпа. 1921-1923. (По материалам периодической печати Симбирской губернии) // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001

31..Миронова Т.П. Нэп и крестьянство (Социально-психологический аспект) // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 243.

32.Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921 - 1929 гг.). СПб., 1997.

33.Орлов И.Б. Класс – он тоже выпить не дурак.// Солидарность. № 16 (359), май 2002

34.Павлюченков С.А. Веселие Руси: Революция и самогон // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 133-142.

35.Павлучкова А.В. Из истории борьбы с пьянством // Фельдшер и акушерка. 1975. № 4

36.Панин С.Е. "Пьяная" преступность в России в 1920-е годы. // Социологический журнал, №4, 2002, с. 92-102)

37.Панин С.Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии). Пенза: ПГПУ, 2002.

38.Пархоменко А.Г. Государственно-правовые мероприятия в борьбе с пьянством в первые годы Советской власти // Сов. гос-во и право. 1984. № 4.

39.Петроградская правда. 1922. 22 сентября

40.Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. М.; Л., 1963

41.Соколов А.К. «Создадим единый фронт борьбы против нэпа». (Анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам рядовых советских граждан) // НЭП: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998.

42.Смирнов В.Е. Рабочий подросток. М., 1924

43..Сталин И.В. Сочинения. М., 1954. Т. 10.

44.Статистика труда. 1923. № 4.

45.Стеблев Э.А. Экономика российской повседневности // Российская повседневность, 1921-1941 гг.: Новые подходы. М., 1995.

46.Тихомирова Н.М. Производство и потребление алкоголя в первые годы нэпа: механизм контроля и формы противодействия // Источник. Историк. История: Сборник научных работ. Вып. 1. СПб., 2001.

47.Треншел К. Проблема пьянства в России и антиалкогольная кампания в годы первой пятилетки (1928-1933) // История России: Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994.

48.Троцкий Л..Д. . Клуб и пивная //Сочинения. Серия VI. Проблемы культуры. Том XXI. Культура переходного периода..Государственное издательство. Москва-Ленинград. 1927

49..Углов Ф. В плену иллюзий. Л., 1986

50.Уголовный Кодекс РСФСР. М., 1924.

51.Укше С. Женщины, осужденные за хулиганство // Хулиганство и хулиганы / Под ред. и с пред. В.Н. Толмачева. М.: НКВД РСФСР, 1929

52.Ульянова С.Б. Из истории борьбы с винными погромами в Петрограде в первые месяцы Советской власти.// Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ и ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Отв. редакторы д.и.н. Р.Г. Скрынников и Н.А. Копанев Л.,Издательский отдел Библиотеки АН СССР 1989 г

53. Шевердин С. Год незнаменитого перелома // Трезвость и культура. 1989. N9. С.17.

54.Шепилов Д. Алкоголизм и преступность. М.–Л.: НКВД РСФСР, 1930

55.Яров С.В. К вопросу о причинах роста алкоголизма в 1920-е годы.// Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ и ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Отв. редакторы д.и.н. Р.Г. Скрынников и Н.А. Копанев. Л., Издательский отдел Библиотеки АН СССР 1989 г